

Она обернулась и увидела Юй Фэйпэна. В это время все в усадьбе Юй, казалось, уже спали, но он был одет в домашний халат, левая рука лежала на мече. Свет фонарей под навесом придал его обычно холодному лицу мягкий оттенок, делая его более спокойным. Его фиолетовый халат был роскошным и благородным, с блеском, напоминающим жемчуг, словно он был воплощением бога войны. Видя её слегка удивлённый взгляд, он объяснил:

— Я на дежурстве.

Чи Хуэй держала в руке подвес для меча, и все это видели. Этот подвес с гербом клана Лань практически объявлял всему миру, что она принадлежит клану Лань. Однако Чи Хуэй, пришедшая из гор, не понимала, что это означало, и считала, что это просто прощальный подарок от Лань Цижэня. Кроме того, в её сердце действительно оставались невысказанные чувства к нему.

— Нет, — спокойно ответила Чи Хуэй, опуская подвес. — Господин Юй, что-то случилось?

— Нет, — он опустил голову.

Оба замолчали. Чи Хуэй неожиданно вспомнила, как в первый день в Мэйшане Юй Фэйпэн был покорным и послушным перед своей матерью, что резко контрастировало с его нынешним холодным видом. Она не смогла сдержать смех, который перерос в настоящий хохот, от которого она чуть не упала.

Юй Фэйпэн не понимал, над чем она смеётся, но слегка улыбнулся в ответ. Она сидела на перилах, высоко над ним, а он слегка поднял голову, глядя на неё с искорками в глазах. Он протянул руку, словно боясь, что она упадёт.

Чи Хуэй, держась одной рукой за столб, а другой за перила, смеялась:

— Ой, я больше не могу, я умираю от смеха. Господин Юй, вы идите по своим делам, я немного подышу воздухом и вернусь.

Юй Фэйпэн не двигался, внимательно глядя на неё, его глаза сверкали. Внезапно она вспомнила, как в Деревне Одарённых он с таким же выражением говорил: «Тысяча покорностей», «Без единой жалобы». Она перестала смеяться. Она даже представила, как она, подобно его матери, дёргает его за ухо, одной рукой на бедре, крича, чтобы он принёс воду для умывания, и снова засмеялась.

Но она только что думала о Лань Цижэне, а теперь фантазировала о том, как могла бы быть с Юй Фэйпэном. Не слишком ли это легкомысленно? Они оба такие хорошие, а она не заслуживает их любви.

Вино действительно было крепким. Она чувствовала, что теряет рассудок. Это не то, что нормальные люди должны делать, даже думать об этом не стоит.

Юй Фэйпэн всё ещё не уходил и не говорил ни слова. Тишина была настолько глубока, что можно было услышать его слегка учащённое дыхание. Вспоминая его неожиданное признание в Деревне Одарённых, она до сих пор чувствовала головокружение. Что он собирался сделать сейчас, она даже не хотела думать. Она как раз собиралась прервать это молчание, когда раздался ещё один шаг, остановившийся неподалёку.

Чи Хуэй по шагам поняла, кто подходит. Видимо, с воздухом покончено. Она спрыгнула с перил. Он хотел её поддержать, но она подняла руку, чтобы остановить его. Она думала, что её шаги уверенны, но чувствовала лёгкое головокружение. Юй Фэйпэн заметил это и протянул руку, но она, словно не видя его, прошла мимо. Край её одежды скользнул по его пальцам, и на его лице промелькнула тень разочарования. Он сжал пальцы и убрал руку.

Недалеко от них Вэй Чанцзэ тоже протянул руку. Возможно, потому что в прошлый раз, когда она пила, он сопровождал её в Пристани Лотоса и провожал до комнаты, она чувствовала себя с ним в безопасности. Или, возможно, потому что Вэй Чанцзэ никогда не переходил границы в своих словах и действиях. А может быть, она просто хотела показать Юй Фэйпэну. Она протянула руку Вэй Чанцзэ.

Вэй Чанцзэ мягко поддерживал её руку. Они не сказали ни слова. Когда Чи Хуэй дошла до двери своей комнаты, она посмотрела на него и мысленно поблагодарила, затем вошла внутрь.

Юй Фэйпэн стоял там долгое время, не двигаясь. Он пригласил Чи Хуэй присоединиться к клану Юй из Мэйшаня на занятиях в Юньшэнь, потому что Юй Цзыюань ревновала к Цзян Фэнмянь. Но за время их совместного пути эта женщина действительно показала себя с лучшей стороны, и постепенно она заняла место в его сердце. Однако не только он, но и Лань Цижэнь, Цзян Фэнмянь и даже Вэй Чанцзэ были рядом, как хищники. Он однажды предсказал Цзян Фэнмянь: «Если Лань Цижэнь признается в чувствах, госпожа Чи обязательно покинет клан Лань». Тогда он знал, что она за человек. Чем больше её преследовали, тем больше она сопротивлялась. Но почему тогда он сам произнёс те слова? Когда он был наблюдателем, он считал себя трезвым и знал, как действовать. Но когда он сам оказался в центре событий, он понял, что в некоторых вещах нет места разуму и логике. Единственная мысль была: «Я люблю её и хочу, чтобы она осталась со мной. Пусть другие даже не думают об этом». Некоторые даже забыли о морали и этике.

Вернувшись в комнату, Чи Хуэй увидела, что Бай Цюсянь сидит на кровати, наблюдая, как исчезает золотая бабочка-посланница. Чи Хуэй вздрогнула, и вино в её голове протрезвело наполовину:

— Что-то случилось в поместье Бай?

Бай Цюсянь покачала головой, смущённо улыбнувшись, и Чи Хуэй всё поняла:

— Это глава клана Лань?

Бай Цюсянь кивнула.

Чи Хуэй села рядом с Бай Цюсянь и похлопала её по плечу:

— Сестра, ты так долго не писала главе клана Лань. Я вижу, что он тебя очень любит, привязан к тебе, хочет быть с тобой каждый день. Я не знаю, как в такой строгой и консервативной семье, как Лань, мог появиться такой человек. Но ты, кажется, относишься к нему довольно холодно? Ты пришла за мной в Юньшэнь, услышав, что я ухожу, и не попрощалась с ним должным образом, верно? Ты его не любишь?

Бай Цюсянь опустила голову:

— Я его не люблю, я просто боюсь... боюсь слишком привязаться к кому-то и не захотеть уйти, чтобы заниматься тем, что я хочу. Сестра, ты говоришь мне, но сама ведь тоже... Лань Цижэнь...

Услышав имя Лань Цижэнь, Чи Хуэй замолчала. За окном раздался тихий звук, она открыла его и увидела, как влетела ещё одна золотая бабочка-посланница.

Эта бабочка кружила вокруг Чи Хуэй несколько раз, словно ища место, чтобы приземлиться. Она протянула руку, и бабочка села на её палец, мягко взмахивая крыльями. Её тонкие усики ласкали её пальцы, словно шептали что-то, не желая улетать. Когда время её пребывания почти истекло, она коснулась её лба и исчезла.

Эта бабочка не несла на себе никаких знаков клана или человека, не передала ни одного слова, просто исчезла.

Лань Цичжи и Лань Цижэнь шли по улице Городка Цветных Одежд. По обеим сторонам шла торговля: продавали овощи, сахарные фрукты, бамбуковые стрекозы и травяные бабочки. Люди болтали, спорили, атмосфера была шумной и полной жизни. Дети бегали между людьми, играя, и чуть не столкнулись с Лань Цижэнем. Они подняли головы, увидели его красивое, но ледяное лицо, и, не сказав даже «извините», убежали.

Сегодня был выходной, и они давно не гуляли.

Лань Цижэнь остановился у прилавка с рыбой. В деревянных бочках плавали несколько крупных рыб, очень живых, которые размахивали хвостами в воде. Вода была неглубокой, и одна из рыб подпрыгнула, словно пытаясь вырваться из бочки, энергично размахивая хвостом и брызгая водой на одежду Лань Цижэня.

Лань Цичжи отвёл его на шаг назад. Продавец, увидев их, поспешил улыбнуться, готовясь приветствовать их, но, увидев, что они одеты в белые одежды и выглядят так, словно они не принадлежат этому миру, он не мог представить, что они могут покупать рыбу. Он смущённо улыбнулся, словно чувствуя себя недостойным, и, вытирая руки о фартук, не знал, что сказать этим двум «божественным» существам.

Одежда была мокрой, но Лань Цижэнь не уходил. Лань Цичжи спросил:

— Цижэнь, ты хочешь рыбу?

Лань Цижэнь не посмотрел на него, продолжая смотреть на рыбу:

— Брат, жареная рыба вкусная?

Лань Цичжи не понимал, зачем он спрашивает, и поправил налобную ленту:

— Я никогда не пробовал.

Лань Цижэнь сказал:

— Она пробовала.

Лань Цичжи понял, о ком он говорит, и на мгновение замолчал, затем снова улыбнулся и продолжил медленно идти вперёд.

Они шли без определённой цели, и Лань Цичжи сказал:

— Ты хочешь её увидеть.

Лань Цижэнь ответил:

— Нет.

Лань Цичжи улыбнулся:

— Через месяц в Юньмэн состоится совет кланов, юная госпожа даос, возможно, будет там. Если ты не хочешь её видеть, я поеду с дядей, а ты останешься в Юньшэнь.

Лань Цижэнь слегка замедлил шаг:

— Я поеду.

Лань Цичжи покачал головой, улыбнувшись с сожалением.

Впереди внезапно раздался шум. Это были два уличных артиста, которые зазывали зрителей. Они, похоже, были братом и сестрой. Рядом с мужчиной стояла тарелка с медными монетами, и он кричал в толпе:

— Подходите, смотрите! Уникальное искусство клана Чжан — проглатывание меча! У кого есть деньги — поддержите, у кого нет — просто посмотрите!..